

Василий Захарько

Звездные часы и драма «Известий»

За кулисами знаменитой газеты

Василий Захарько

Звездные часы и драма «Известий»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8924772

Звездные часы и драма «Известий»: Время; Москва; 2014

ISBN 978-5-9691-1338-1

Аннотация

Эта книга приоткрывает завесу над богатой событиями, сложной внутренней жизнью редакции самой, пожалуй, знаменитой российской газеты. Автору есть что рассказать – он проработал в «Известиях» двадцать семь лет, прошел путь от репортера до главного редактора. Из всех сюжетов Василий Захарько выбрал для книги наиболее конфликтный, но и самый злободневный – как редакция в советское время стремилась к свободе слова, как она в августе 1991-го добилась независимости от государства, как уже в демократической России воспользовалась этим статусом и как навсегда его потеряла. Это были годы и всенародной славы газеты, и глубокой ее драмы, если не сказать больше – трагедии.

Содержание

Вместо предисловия	5
Как мы шли к независимости	11
По капле выдавливая из себя раба...	11
Время Алексеева	15
Второе время Толкунова	28
Время Лаптева	48
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Василий Захарько
Звездные часы и
драма «Известий»
За кулисами
знаменитой газеты

© Василий Захарько, 2014

© Валерий Калныныш, дизайн и оформление

Фото из архивов А. Бемянчева, Т. Бондарук, Н. Борщевского, В. Захарько

© «Время», 2014

* * *

Вместо предисловия

Вторая половина дня, вечер 21 августа 1991 года. Москву покидают танки, другая боевая техника, все войска, принимавшие участие в потерпевшем крах государственном перевороте.

Наутро – еще один переворот. На этот раз в редакции ведущей государственной газеты «Известия», в центре Москвы, на Пушкинской площади. Журналисты сбрасывают с поста главного редактора, поддержавшего путч. Заявляют о выходе из подчинения издателю, высшей инстанции власти в стране – Президиуму Верховного Совета СССР, и объявляют свой коллектив учредителем «Известий».

Полдень 23 августа, разгар рабочего дня. Со всех восьми этажей редакции сбегаются в Круглый зал (он на третьем) редакторы, обозреватели, корреспонденты, фотокорреспонденты, референты, стенографистки, секретари.

Меня избирают председателем этого необычного для мирового журналистского сообщества собрания. Наступает момент голосования по важнейшему вопросу дня.

– Другие предложения есть? – обращаюсь через микрофон к заполненному до предела Круглому залу.

Других предложений нет.

– Итак, – продолжаю я, – внесена одна кандидатура. Кто за то, чтобы главным редактором газеты «Известия» был из-

бран Игорь Несторович Голембиовский?

Никто не «против», никто не воздержался, «за» все 380 человек. Сам Голембиовский отсутствует: он в командировке в Японии.

На тот момент газете было 74 года. Кроме первого и второго, шестнадцать предыдущих главных редакторов (пятеро из них расстреляны) назначали только главы государства – Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев. А сейчас единогласно избран...

Так начиналось время независимости в истории знаменитой газеты. О событиях в «Известиях» пишет вся мировая пресса. Многие СМИ, включая «Нью-Йорк таймс» – на первых полосах. В течение нескольких дней примеру «Известий» следует огромное число советских изданий. Республиканских, областных, городских, районных.

Спустя почти шесть лет, 4 июля 1997 года. Под высокие своды пустого Круглого зала вошли четыре человека. Ничто в них не выдавало журналистов, это были строго одетые деловые люди. Усевшись за гигантским столом, они коротко обменялись мнениями по основному вопросу своей встречи. Мнение оказалось единым: снять Голембиовского с должности главного редактора «Известий».

Так было покончено с независимым статусом газеты. Отныне ею завладел собственник со стороны, причем не один, а сразу два ожесточенно конкурировавших друг с другом за акции «Известий»: нефтяная компания «Лукойл» и ОНЭК-

СИМ-банк. Теперь по два представителя от них взялись вместе вершить дальнейшую судьбу газеты и начали с замены руководителя.

Эта судьба сложилась печально. В течение шестнадцати лет трижды менялись хозяева издания и девять раз – главные редакторы. Постоянно сокращался и несколько раз полностью обновлялся персонал редакции. В 2011 году из-за экономических трудностей она покидает Пушкинскую площадь, здание сдается в аренду разным фирмам из сферы услуг. Необъятный, площадью 166,4 квадратных метра, кабинет главного редактора, вызывавший зависть у всех журналистских начальников Москвы, разделен канцелярскими шкафами на бухгалтерские зоны. Арендой занимается акционерное общество «Редакция газеты “Известия”», не имеющее абсолютно никакого отношения к изданию газеты. Из всего множества помещений редакционного назначения не охвачены коммерцией только библиотека и отдел кадров.

Один из декабрьских дней 2011 года. Миновав некогда просторный и светлый, всегда ухоженный, по-настоящему парадный, а теперь чуть ли не вдвое уменьшенный, запущенный, плохо пахнувший вестибюль этого здания, я поднялся в грязном, скрежещущем лифте на последний этаж, где десятки лет был и остается отдел кадров. Хотелось узнать, сохранены ли «личные дела» старых известинцев, и если да, то полистать некоторые из них.

– Кое-что есть, – сказала любезно принявшая меня мо-

лодая симпатичная женщина, назвавшая себя Аней. Она открыла широкий встроенный шкаф, набитый сверху донизу рядами именных папок различной плотности.

– Кто вас интересует? – спросила Аня.

– Вообще-то многие, – ответил я. – Начните, пожалуй, с Голембиовского.

– Не поняла, – сказала Аня. – Повторите, пожалуйста.

– Голембиовский. Игорь Несторович Голембиовский.

– А-а-а, извините! – оживилась Аня. – Когда-то я слышала эту фамилию.

Надо же, еще не так давно человека причисляли к легендарным личностям, а сегодня ни о чем не говорит его имя даже в родных стенах. Эти поразившие меня слова стали последней каплей в сомнениях, надо ли браться за написание о людях и событиях внутри «Известий», где сам проработал двадцать семь лет, с 1972-го по 1999 год. Из них пятнадцать лет репортером, с наступлением горбачевской гласности – в руководстве газеты: первый зам ответственного секретаря, ответсекретарь, зам главного редактора, главный редактор. Сомнения были долгими, можно сказать, многолетними.

С одной стороны, я не испытывал никакого желания пробовать себя в жанре воспоминаний. С другой – меня не оставляли равнодушным выходившие нередко публикации об «Известиях» разных лет. Отдельные авторы при этом грешили, на мой взгляд, серьезными неточностями, проявляли излишнюю тенденциозность, неправоту в разборе редакци-

онных ситуаций и в оценке коллег, а порой и просто сводили с ними счеты за то, что случилось в совместном прошлом.

Уже довольно скоро, в марте 2017 года исполнится 100 лет со дня выхода первого номера газеты. Ей принадлежит большая, уникальная роль в создании летописи страны, и надо ожидать, что к этой дате появится в печати еще немало нового и любопытного из биографии «Известий». Особый же, важнейший период в известинской истории – это шесть лет независимости, всего шесть из ста. Они пришлись на первые шесть лет зарождения и становления новой, демократической России. Именно в это трудное, чрезвычайно сложное для страны время «Известия» были если не подлинным, то все же менее искажающим, менее кривым зеркалом, чем на других этапах своей истории. Острейшая драматичность всего происходившего тогда в России самым непосредственным образом отражалась и на внутренней жизни редакции, где непредсказуемым был каждый следующий день, где кипели политические и профессиональные страсти, разгорались скандалы и конфликты, проявлялись открытые и тайные амбиции, высокие и не совсем хорошие человеческие качества.

Визит в отдел кадров разрушенной газеты окончательно снял мои сомнения, стоит ли писать свою версию того, что и как было с известинцами, когда они добились независимости издания и тем самым повлияли на дальнейшее состояние всей отечественной прессы. Думается, что и сегодня можно и

нужно извлекать уроки из этого знакового для постсоветской России опыта свободной печати. Он давался очень нелегко, как и нелегким был наш долгий путь к независимости, о котором тоже надо вспомнить, чтобы лучше понять, как менялись мы и наша журналистика.

Стараясь доверяться не только памяти и своему ящику с архивными бумажками, я снова начал ходить на Пушкинскую площадь, как на работу. На восьмой этаж – к шкафам с документами редколлегии, акционерного общества и «личными делами» сотрудников. На второй этаж, в библиотеку – к подшивкам газеты, начинающимся с марта 1917 года. Здесь же мною читаны-перечитаны невиданные в других библиотеках тоненькие брошюрки-стенограммы так называемых летучек, они же редакционные творческие собрания.

Что ж, газета – это действительно дело творческое. А в обозреваемый период – еще и судьбоносное для себя и для страны.

Как мы шли к независимости

По капле выдавливая из себя раба...

Первой, как я и просил, мне дают папку с надписью «И. Н. Голембиовский», вторую – с «личным делом» свергнутого главного редактора Н. И. Ефимова. Бывших друзей, ставших врагами. Произошло это не на какой-то бытовой основе, не из-за денег или женщин, а исключительно по мировоззренческой причине. Проще говоря, их разделила идеология. Один был как бы за красных, другой – за белых. Но об этой локальной гражданской войне в папках нет ни слова, здесь только биографические документы каждого.

Потом я просматриваю другие «личные дела», папки с постановлениями редколлегии, решениями совета директоров, делаю из них выписки, перечитываю стенограммы летучек, листаю подшивки газеты – и в памяти всплывают времена, когда еще ничто не предвещало будущих потрясений в доме на Пушкинской, когда о независимости прессы мы даже не помышляли, а Голембиовский и Ефимов еще не стали друзьями, поскольку не были даже знакомы. Тогда как в этих давних временах вызревало все то, что спустя годы произойдет в «Известиях» и с «Известиями».

Ноябрь 1977 года. У нас грандиозное новоселье – редак-

ция покидает знаменитое старое здание с большими окнами на Пушкинскую площадь. Выбросив в корзины все ненужное, прихватив с собой пишущие машинки, перебираемся в построенный рядом, но уже с окнами на улицу Горького, нынешнюю Тверскую, шикарный восьмиэтажный корпус.

Когда двадцать лет спустя развернется битва за акции «Известий», то охотников за ними будет привлекать не только газета как таковая, а в не меньшей, может, даже в большей степени, это здание. Они понимали, что после Кремля, который не продается, одно из лучших, если не самое лучшее место в Москве для вложения денег – это Пушкинская площадь. Но в такой категории, как «цена на недвижимость», мы на свое здание не смотрели. А когда осознали, что это золотая жила, было уже поздно, «поезд с золотом» от нас ушел.

Во все годы главной ценностью для нас на Пушкинской площади, материальной и духовной, оставалась только она единственная – газета «Известия». Независимо от возраста, все мы были типичными советскими людьми, обычно считавшими место работы своим вторым домом. Им и стал для известинцев новый редакционный корпус.

Мы еще только сюда переселялись, как обнаружилась маленькая ошибка архитекторов, вызвавшая большой переполох. Она была допущена в главном вестибюле, где на отделанные мозаикой стены нанесено несколько сюжетов из истории российской печати. А на самом видном месте приведена широко известная, миллионы раз произносимая везде

и всюду цитата Ленина: «Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Но там оказалось пропущенным слово «также». И хотя без него нисколько не менялся смысл, оставить цитату в этом виде, да еще в «Известиях», да еще у входа в кабинет главного редактора, да еще в камне, то есть на века, означало бы допустить недопустимое – надругательство над святыней, чуть ли не преступное отношение к гениальному автору.

Технически исправить ошибку было непросто. Чтобы вбить в тесное пространство еще одно слово, пришлось переходить на другой шрифт, разрушать художественное единство стиля. Восстановление цитаты сопровождалось тщательным разбирательством – отчего и по чьей вине такое произошло, дело слушалось в райкоме партии. К счастью для архитекторов да и для редакции, случившееся не было признано идеологической диверсией. Сам же факт, что в новом здании «Известий» отмечено некое вмешательство в ленинский текст, стал своеобразным предвестником того, что со временем газета начнет отменять уже не отдельные слова, а все ленинское наследие.

Именно в этом здании и наступит полное политическое прозрение для нас как журналистов и граждан. Но не сразу, оно будет происходить медленно, в прямой зависимости от складывающейся ситуации в стране и имея свои периоды: от одного главного редактора – до другого. А выдавливание по

капле из себя раба начиналось у известинцев еще в старом корпусе, когда газету возглавлял Алексей Иванович Аджубей, при котором в редакции навсегда поселился сильный и сладостный дух свободы. После свержения Хрущева, а заодно и изгнания Аджубея, его зятя, высшая власть направила сюда в 1965 году партийного функционера Толкунова, надеясь, что он погасит известинское вольнодумство. Однако этого не случилось. Умный и совестливый человек, прошедший как корреспондент «Правды» многими дорогами войны, хорошо знающий реалии суровой народной жизни, Лев Николаевич и газету делал в основе своей умной и совестливой, гражданственно озабоченной. С годами у руководства страны накопилось большое недовольство ею, и в феврале 1976 Толкунова переводят на другую сторону Пушкинской площади – в далекое от злободневной тематики Агентство печати «Новости».

Через несколько дней нам представили нового главного – Петра Федоровича Алексеева.

Время Алексеева

Алексеев был известен журналистской Москве тем, что, руководя до этого «Советской Россией», он хорошую смелую газету превратил в серую и робкую. Что эта же перспектива улыбнулась и нам, стало понятно на общем собрании из его первой, программной речи.

Правда, не все в коллективе сделали такой пессимистичный вывод. Выступивший в прениях популярный и многими читателями любимый международник Мэлор Стуруа заявил, что «наконец-то в редакции подули свежие ветры». Этой фразой одни известинцы горько попрекают коллегу все последующие десятилетия, а другие дружелюбно посмеиваются, считая, что лесть была расчетливой: человеку хотелось снять запрет на его выезды за границу, вот он и добивался лояльности нового начальника. Как бы там ни было в тот раз, Мэлор Георгиевич Стуруа – выдающаяся персона в истории «Известий», его профессиональный вклад в газету очень велик.

Вспоминается еще одна фраза алексеевского времени в «Известиях», ставшая крылатой для московской журналистики. Дежуря по отделу информации, я сидел на выпуске газеты за длинным столом вместе с замредактора отдела Толей Шлиенковым. Минут за десять до подписания номера к нам быстро подошел дежурный член редколлегии Альберт

Григорянц и, пробегаясь фломастером по первой полосе, потребовал:

– Парни, быстро меняйте свои заголовки! Главный редактор не любит такие, как сейчас на полосе.

На это Шлиенков немедленно отреагировал:

– То, что не любит главный редактор, мы ненавидим!

Григорянц вздрогнул, чуть не упал от смеха, я тоже. Такие словесные шедевры нельзя держать при себе – и с нашей с Альбертом подачи через полчаса Толиной фразой умилялась вся редакция.

Когда подули паршивые алексеевские ветры, нам многое приходилось делать такого, что любил главный, а мы ненавидели. Но иначе газета бы не выходила. Или пришлось бы менять профессию. Все тогда, тем более служба в печати, было с двойной моралью: публично говорится и пишется одно, как принято, как неопасно, а между собой – по-другому, как думаешь. Не на собраниях и планерках, а в обычном редакционном общении: в кабинетах, коридорах, в столовой, буфете – откровенно обсуждалось многое. Бывало, что днем, по ходу работы над номером, в буфете сдвигались столы и за чаем, кофе с бутербродами собиралось человек по десять-пятнадцать, а то и двадцать. Стихийно возникали поводы и темы, чаще известинские или просто житейские, но нередко – политические. Шел и обычный треп, перемешанный последними анекдотами, и серьезный разговор. Доставалось как главному редактору, так и всей советской вла-

сти и лично Леониду Ильичу Брежневу.

Алексееву докладывали об этих сходках, он их считал крамольными. С неприязнью относился к тем, кто там язвительно солировал, особенно к двоим – заместителю редактора отдела права и морали Анатолию Друзенко и первому заму ответственного секретаря Игорю Голембиовскому. Еще сильнее была к ним неприязнь в рабочей обстановке, поскольку оба иногда высказывали такие взгляды на содержание и облик газеты, которые не совпадали с мнением Петра Федоровича. Ему комфортнее было бы с другими подчиненными, но не доводить же дело до конфликтов, если люди с работой справляются. Сейчас не установить, кто подал главному редактору мысль о кадровом маневре – сначала для Друзенко: отправить его собственным корреспондентом в Польшу. Может, он сам туда попросился, о работе за рубежом в те годы мечтали многие журналисты. Как выходцу из Западной Украины, Толе был понятен язык, интересен менталитет поляков, и он с радостью укатил в Варшаву.

Зато точно известно, что Голембиовский никуда уезжать не собирался. Место собкора в Чехословакии ему предложил сам Алексеев. Но Игорь оказался несговорчивым. Тогда очень проявилась такая особенность его характера, как высокая самооценка. Она останется с ним навсегда. Именно высокая, порой сильно завышенная оценка своих качеств, возможностей не страшила его в трудностях, помогала в достижении успехов, но она же становилась и причиной раз-

личных неудач, а в конечном счете привела к непоправимым ошибкам, о которых речь впереди. Игорь сразу заявил, что если он и поедет, то ни в какую-то там социалистическую, а только в капстрану. Длительные, как, впрочем, и краткосрочные командировки в страны не советской модели всегда считались более престижными и привлекательными материально.

Это заявление, ставшее известным всей редакции, удивило многих, особенно сотрудников иностранных отделов, а кое-кого из них и возмутило. Куда, рассуждали там, он поедет, если в мире нет капиталистической страны, говорящей на русском языке или на его втором родном – грузинском? Другими не владеет. А что можно делать за границей без языка? Еще надо хорошо знать историю и сегодняшний день региона пребывания, ориентироваться во всех переплетениях тамошней внутренней и внешней политики, но это дается лишь долгой подготовкой. К тому же собкор должен постоянно находить новости, немедленно их оценивать и тут же передавать в Москву, а у Игоря подобного опыта не было – до секретариата он работал в отделах, не требующих каждодневной оперативной отдачи, – писем и промышленности. Наконец, в какую страну, если все сорок зарубежных корпунктов заняты, везде люди с женами, детьми?

Казалось бы, все складывалось против дерзкого предпочтения Голембиовского. Всё, кроме одного, – Петр Федорович был твердо намерен увести его с важной управленческой

должности. В результате своего добиваются оба. В Мексике затянулся срок пребывания собкора Владимира Силантьева, его можно было менять – на Мексике и сошлись. Главный редактор обращается за согласием в ЦК КПСС и выкладывает все возможные аргументы в пользу нового кандидата в собкоры. Там с удовлетворением принимают к сведению, что после окончания Тбилисского университета он работал в комсомольской газете, откуда переведен в ЦК комсомола инструктором отдела пропаганды, что из своих сорока пяти лет почти два десятилетия – член КПСС, что перейдя в «Известия» в 1966 году, многократно избирался в партбюро редакции, был замом секретаря парторганизации. Словом, идеологически выдержан, делу партии предан, а без таких формулировок за границы не видать. Проинформировав Игоря о полученном согласии ЦК, главный требует в тот же день освободить занимаемый им кабинет на третьем этаже (мимо которого Алексеев каждый день ходил обедать в буфет для редколлегии, а у Игоря почти всегда дверь была открыта).

Вечером, прихватив свою давнюю пепельницу на высокой ножке, он поселяется в моей комнате на шестом этаже, а я перебираюсь в соседний свободный кабинет редактора отдела информации. После этого мы стали часто видаться, набивая окурками пепельницу. К Игорю приходила оплачиваемая редакцией учительница испанского языка, он героически занимался. Я подсказал ему адрес автомобильных курсов на улице Шмидта, он их закончил, получил водительские

права. И осваивал горы литературы, кипы текущей открытой и закрытой тассовской информации по Мексике и другим входящим в его собкоровскую зону странам Латинской Америки. Ни разу я не услышал от него сомнений – справится ли он на новом месте? Рассуждал в том смысле, что понимает, какие могут возникать сложности, но ведь не боги горшки обжигают. Срабатывала, давала о себе знать уверенность в своих силах. Та самая высокая самооценка. Месяцев через шесть, успев за это время расписаться с новой женой Анной Петровной, взяв с собой и собачку Глашу, новый зарубежный корреспондент «Известий» отбыл за океан, не имея ни малейшего представления о том, когда и куда он вернется.

В иностранных отделах, занимавших весь четвертый этаж, не любили чужаков в качестве собкоров и всегда ревностно следили за их работой. В случае с Друзенко все быстро сошлись на том, что он и в Польше, как раньше в Союзе, показывает себя умелым журналистом. Надолго затянувшийся дебют Голембиовского вызвал на четвертом этаже немало критики, смешанной со злорадством. Но шло время, и профессиональное отношение к нему стало меняться к лучшему. На втором году пребывания в Латинской Америке Игорь отправился в охваченную революционным огнем маленькую страну Никарагуа, и каждый день, находясь в опасности, диктовал оттуда большие репортажи. Как газетчик, он был бы счастлив, если бы знал, что в те дни говорили о нем в редакции. В тех же иностранных отделах говорили хорошие

слова – и не только между собой, но и на летучке.

Цитирую по стенограмме Николая Ермоловича, редактора отдела соцстран:

– Что касается международных отделов, то необходимо особо отметить работу Игоря Несторовича Голембиовского в Никарагуа. В трудное для этой страны время он передавал оперативные, боевые корреспонденции.

На одной из следующих летучек обозреватель иностранного отдела Василий Кондрашов:

– По праву поставлен на первую полосу материал Голембиовского «Кто стрелял в журналистов?». Убедительная, острая, насыщенная фактами корреспонденция.

Приведенные выше кадровые решения были не единичными. Алексеев перетряс, обновил редколлегию и выстроил такую вертикаль своей власти, что все горизонталы стали очень послушными, не терпящими никаких мнений, кроме начальственных. Одним из первых, к сильному огорчению большинства сотрудников, был выдвинут из редакции ответственный секретарь Дмитрий Мамлеев, деловой и эмоциональный, настоящий мотор коллектива, ближайший соратник Аджубея, отдавший «Известиям» почти двадцать лет. Не выдержал заурядно-казенного менторства главного редактора им же возведенный в свои заместители Станислав Кондрашов, блистательный журналист-меж-

дународник, один из кумиров демократически настроенной интеллигенции, ушел обратно в политобозреватели. Восстал против тактики запугивания редактор отдела информации Юрий Пономаренко, деликатный, застенчивый, какой-то робкий на вид, но с бесстрашным, закаленным в войну характером – он первым посадил свой самолет в горящей Варшаве. Высказав Алексееву все, что о нем думает, Пономаренко ушел в ведомственную авиационную газету. Был изгнан из редакции международник (ранее научный обозреватель) Михаил Ростарчук, осмелившийся покритиковать главного редактора в своем письме в ЦК КПСС. Происходили бесчисленные перестановки на всех восьми этажах, в корреспондентской сети по стране, насчитывающей 60 человек. На замену уходящим брались журналисты из других изданий, чаще малоизвестные, но были и яркие имена, потенциально большие звезды – Леонид Капелюшный, Борис Резник.

Однажды в нашем доме объявился такой крупный талант, которого мечтала бы заполучить каждая газета, а о его появлении на Пушкинской сообщили крупнейшие издания в Европе и все, наверное, в Западной Германии. Если бы они знали, то использовали бы любопытнейшую деталь: по указанию главного редактора «Известий» перед приходом этого человека устлали красной дорожкой длиннющий коридор на шестом этаже, где ему выделили большой кабинет с несколькими телефонами, включая кремлевскую вертушку. Это был

знаменитый дипломат Валентин Михайлович Фалин, один из авторов международной разрядки, бывший посол СССР в Западной Германии, будущий (при Горбачеве) секретарь ЦК КПСС по международным вопросам, ставший впоследствии сильным оппонентом Михаилу Сергеевичу. Однако пришел он к нам не потому, что ему очень хотелось трудиться под началом Алексеева. Для Фалина это была ссылка из-за какого-то его просчета на прежней работе в ЦК КПСС. Но ссылка почетная, в высоком ранге политического обозревателя «Известий», а Петр Федорович к таким авторитетам испытывал особое почтение, больше похожее на заискивание. Вот что писал о нем в своих мемуарах другой, более ранний по времени ссыльный в «Известия» в том же ранге политобозревателя Александр Бовин:

Какой-то весь никакой. Просто серый. Пугливый до невозможности. По-моему, он и меня боялся: как же, крутится там рядом с Брежневым... Но мне от этого было легче, меньше вмешивался в мои публикации.

Меняя, расставляя по-своему кадры, Алексеев не принимал быстрых решений, долго взвешивал все «за» и «против». Припоминается случай, как ко мне подошел его помощник Слава Лукашин и свойственным ему дружески-интригующим тоном сказал:

– Старичок, ты замредактора отдела, а Петр Федорович мог бы тебя сделать редактором. Он мне говорил об этом.
– Кто ему мешает? – засмеялся я.

– Лично ты! – ответил Слава. – Тебе уже за тридцать, а ты неженатый!

В ответ пришлось сказать, что теперь я специально не жёнось, чтобы не считали меня карьеристом. Шутки шутками, но это так и было: для Алексеева первостепенное значение имела анкетная, по-советски догматическая безупречность своих кадров. У него болели глаза, он делал несколько операций, носил большие очки с разными диоптриями. Но читал до подписания полос всю газету, от первой до последней строки и всегда благодаря интуитивному цензорскому чутью безошибочно обнаруживал то место, ту фразу, что несли серьёзную критическую мысль и были особенно дороги автору. Истолковывал ее как антисоветчину и непременно вырубал своим толстым фломастером. Фактически отстранил от газеты Анатолия Аграновского, проблемными очерками которого зачитывалась вся страна. Зарплату ему исправно выплачивал, только бы не приносил материалы, которые могли вызвать раздражение «наверху». Наверное, и наполовину не использовался потенциал таких маститых журналистов, как Егор Яковлев, Владимир Надеин, Александр Васинский, Олег Павлов, Альберт Плутник, Леонид Шинкарев, Эдвин Поляновский, Ирина Дементьева, Евгений Жбанов, Ирина Круглянская и многих других. Плюс ко всему главный редактор превратил в сухую формальность летучки, которые всегда были местом дискуссий, зачастую довольно интересных и полезных для умов. Обычно здесь оценивались и све-

жие номера «Недели», воскресного приложения газеты, после чего уже шел общий разговор о двух изданиях. Но когда сотрудник «Недели» Александр Коган позволил себе слегка пожурить несколько номеров «Известий» за скуку и мелко-темье, Алексеев запретил на летучках обсуждать «Неделю». Завел правило: доклады по газете делают редакторы отделов, их замы – и никто из тех, что ниже по должности.

Сверхзадачей всех кадровых перемен, повседневных требований, капризов главного редактора было издание газеты, отвечающей его вкусам, а они поражали редакцию своим примитивизмом, вызывали издевательский смех в журналистской среде. Например, он долго добивался и добился того, чтобы в каждом номере на первой полосе печаталось пятнадцать маленьких портретов героев труда – по одному из каждой союзной республики. Или в каждом номере шла целая полоса мелкой, в несколько строк информации, но чтобы ни в коем случае дважды не повторялся ее адрес. Если, скажем, из Ленинграда или Киева, Свердловска или Новосибирска поступили две новости, которые важнее всех остальных из других регионов, то на этой полосе и вообще в номере надо печатать только одну из них. Словом, вкус внедрялся еще тот. Ну а его критерием была одна, но пламенная страсть Алексеева: газета должна нравиться всесильному члену Политбюро ЦК КПСС Суслову, который и посадил Петра Федоровича в кресло руководителя «Известий». И она Суслову нравилась.

Однако я был бы несправедливым по отношению к Алексееву, если бы не сказал, что многие известинцы вспоминают его с благодарностью. В различных чисто житейских ситуациях он бывал отзывчивым на просьбы людей, участливым к их заботам, проблемам. При его содействии десятки семей улучшили свои жилищные условия, многие получили отдельные квартиры. Своими письмами в разные инстанции он помогал решать вопросы с детскими яслями, школами, больницами. Но он же, Петр Федорович, в принципе не любил общения с людьми. Так, чтобы ему реже видаться с рядовыми сотрудниками, один из двух редакционных подъездов вместе с лифтом был закреплен лично за ним и редколлегией. В общем, еще одно подтверждение вечной истины, что человек – существо сложное, противоречивое...

Итог редакторской деятельности Алексеева впечатляет. Приняв газету с тиражом в 6 миллионов 817 тысяч экземпляров, он уронил его за шесть лет почти на два миллиона, до 4 миллионов 900 тысяч. Дальнейшее падение прервала смерть Л. И. Брежнева в ноябре 1982 года. Для нового генсека Ю. В. Андропова было важно видеть во главе столь высокой трибуны, как «Известия», своего человека, кому бы он полностью доверял. В свое время Андропов заведовал отделом социалистических стран ЦК КПСС, у него тогда сложились хорошие взаимоотношения с заместителем, Л. Н. Толкуновым. Теперь ему, председателю АПН, было сделано предложение вернуться на Пушкинскую площадь, принятое

им без минуты на размышление.

Второе время Толкунова

Февраль 1983 года. Переполненный Круглый зал долгими аплодисментами, переходящими в овацию, приветствует Льва Николаевича после семилетнего отсутствия. Теперь он для нас «дважды главный». Все встают, у всех радостные лица. Прошло уже тридцать лет, а этот день не забывается. Была атмосфера праздника – всеобщего и лично каждого. В этой атмосфере и была дружно одобрена брошенная мною шутка, что сегодня же должны быть национализированы персональные лифт и подъезд.

Новый ветерок повеял сразу. Только в этот раз по-настоящему свежий. На первой утренней планерке Толкунов попросил редакцию подумать, как можно улучшить газету. Ровным приглушенным голосом коротко призвал всех раскрепоститься в мыслях, суждениях, планах, не стесняться с критикой газеты, друг друга. Редакция очень хотела такое услышать, а услышав, поверила в лучшее будущее.

Вскоре, точнее – 28 февраля – состоялась летучка, с которой можно отсчитывать уже реальное начало перемен в «Известиях». Что весьма показательно, выразителем меняющегося настроения в коллективе стал не главный редактор, а сотрудник в должности обычного спецкора. Им был выступивший с докладом Альберт Плутник, проработавший в «Известиях» половину из своих сорока двух лет. Он с первых слов

взял, что называется, быка за рога:

– Для начала я хотел отметить (единственно в порядке констатации), что человек моего положения, а именно специальный корреспондент отдела, выступает в роли обозревателя на летучках впервые после многолетнего перерыва. Изменив прежний порядок, нам дают понять, что газета «Известия» – это и наша газета, всех без исключения ее работников. Сегодня мы часто оглядываемся назад, что естественно в сложившемся положении. Важно только делать это не ради того, чтобы лишний раз бросить в прошлое камень – это занятие неблагодарное и неблагодарное. Гораздо важнее думать о том, чтобы происходящие у нас перемены стали достоянием не только редакционного коллектива, внутриредакционной жизни, но и всех наших читателей. Чтобы на стол им ложилась газета принципиально иного уровня.

С этой точки зрения – о прошлом ради будущего – и взялся Плутник обозревать материалы, напечатанные в последний месяц под чудовищными или комичными на сегодняшний взгляд рубриками «Наш советский человек» и «Люди трудовой славы».

Сегодня мы не знаем, что будет со страной, обществом, соответственно и с прессой спустя еще тридцать лет, над чем тогда из нынешней практики газет, если они останутся, будут потешаться молодые журналисты, чему удивляться, чем воз-

мущаться. Но в восьмидесятые годы и в предыдущие десятилетия такие словосочетания, как «наш советский человек», «люди трудовой славы» были сами по себе обыденными, ничей слух особенно не коробили. Постоянно мелькали в газетных текстах, звучали в эфире. Привычным, вполне естественным, а главное – идеологически выверенным было их присутствие и в названии рубрик во многих изданиях. Я не помню, кто конкретно их предложил в «Известиях», наверняка эти люди получили премию, так было заведено: одобрили твою идею, даже идиотскую, – прими скромную денежную награду. Потом был составлен и утвержден Алексеевым большой список героев очерков под эти рубрики, назначены авторы – и пошла писать губерния, начались одна за другой публикации. И только сейчас, при Толкунове, впервые в кругу, который считался одним из наиболее профессиональных в стране, публично прозвучало, что это же очень непрофессионально – допускать такие формулировки.

– И вот почему, – продолжал Плутник, словно читая лекцию студентам-первокурсникам журфака МГУ. – Рубрика не должна слишком многое говорить о материале под нею. А увидев рубрику «Наш советский человек», читатель уже знает заранее о том, что ему предстоит прочесть. Как и мы с вами, прекрасно знает, каков он замечательный, за исключением, разумеется, отдельных недостатков, этот «наш советский человек». Достаточно наслышан о нем и вряд ли от 1002-го знакомства ждет каких-либо сюрпризов, чего-то

интересного и важного.

В наших писаниях, – говорилось дальше, – так много восторгов самыми обыкновенными, по сути, вещами, как будто мы никак не ожидаем, что наши герои, как и мы, дышат кислородом, что они иногда, представьте, ходят в театр и даже, случается, всерьез задумываются о чем-то. Они нас не столько удивляют, сколько умиляют. В работе – передовик, в семье – пример для всех. В отношениях с товарищами, соседями, знакомыми – пророк в своем отечестве. Всех рассудит, все поставит на свои места. Он с безупречным прошлым, его биография божественно чиста. И в этой умиленности видится недопустимое профессиональное высокомерие, а точнее – низкий уровень профессионализма.

О многом еще было сказано на той летучке докладчиком, а затем и выступавшими – о ложном, мелком и постыдном на страницах газеты. Так возобновлялся после долгого перерыва всегда нужный в газете разговор о профессионализме, а это не только рубрики, заголовки, жанры, язык, стиль. Это прежде всего направленность, позиция газеты, ее миссия – хотя это словечко применительно к нашей работе тогда еще не употреблялось. Наиболее частым, постоянным предметом обсуждения на всех планерках, летучках, в столовой, буфетах становится тематика публикаций, уровень их оригинальности, актуальности, смелости.

На состоявшемся 17 марта общем собрании с большой ре-

чью выступил Толкунов, сказав в ее начале, что только дружная, активная, творческая работа, только атмосфера товарищества, самокритичного подхода к сделанному могут создать благоприятный климат, который поможет «Известиям» найти свое яркое индивидуальное лицо.

— С плохими журналистами нельзя делать хорошую газету — это известно. Но с хорошими журналистами можно делать плохую газету — это тоже доказано неоднократно. Наша задача — с хорошими журналистами делать хорошую газету. Задача предельно простая и вместе с тем сложная, — говорил Лев Николаевич и продолжал: — Нам надо повернуться лицом к человеку. О чем бы мы ни писали, мы непременно всюду должны видеть человека...

Это было одно из тех выступлений, что не оставляют людей безразличными к услышанному. Понадобились считанные недели, и вот уже один за другим печатаются материалы, о появлении которых на страницах «Известий» еще недавно не могло быть и речи. В их числе острейший фельетон Владимира Надеина о чиновничьем унижении рядового гражданина, об откровенном, наглom нарушении закона его блюстителем — прокурором республики. Публикации в защиту интересов человека, социальная проблематика, а особенно темы права и морали занимают все большее место, появляются чуть ли не в каждом номере и вызывают огромную одобрительную читательскую почту.

«Дважды главный» пользуется любым случаем сказать доброе слово в адрес авторов таких материалов, но ему хочется, чтобы поиски касались всех направлений газеты, и он назначает специальную летучку. Выступить на ней просит Анатолия Аграновского, признанного журналистом № 1 в СССР. К этому времени он уже вернулся в редакцию с кинопромысла. Ненужный газете при Алексееве, он зарабатывал на жизнь сценариями документальных фильмов. За ходом его мысли на летучке интересно следовать и сегодня:

– Несколько общих соображений. Газета – это аппарат, который должен устойчиво держаться в атмосфере. Как самолет, когда он летит. Он может лететь выше, может ниже, но устойчивость – свойство необходимое. Как известно, у нас теперь круто пошла вверх человековедческая, нравственная проблематика, чего не было долгое время. Это крыло поднялось, и потому оказалось опущенным крыло экономическое. Включаю сюда все, что касается промышленной, сельскохозяйственной, научной жизни страны. Не скажу, что эти отделы резко ухудшили свою работу. Нет, они удерживают тот уровень – средний, какой установился у них в последние годы. Но поднялось другое крыло, и равновесие нарушено, вышел крен.

– Что в газете более всего запомнилось? – тут Анатолий Абрамович сел на своего излюбленного конька по имени «конкретика». – Работы Геннадия Комракова, Иры Круглянской, Александра Васинского, Эдвина Поляновского. Все на моральную тему, но суть

не в этом. Морализировать тоже можно плоско и глупо. Эти вещи талантливы, они по языку, по мысли на порядок выше того, что печаталось рядом. А теперь хочу обратить ваше внимание на одну частность. На то, сколько писалось у нас едва ли не подряд о трупах. Мы хвалили на летучке, и правильно хвалили материал Леонида Капелюшного «Прежде чем ставить точку». О чем? Об убийстве. Высоко оценили очерк Эдуарда Кондратова «Жестокая слепота», который вызвал – это тоже надо учитывать – более тысячи читательских откликов. Опять труп. «Третий выстрел» Васинского – великолепно написанная вещь. Снова убийство. Давно я не получал такого удовольствия, как от очерка Поляновского, – и тут утопленник, труп. Все по отдельности хорошо, а вместе напоминает печальную историю «Дамы из омнибуса» Альфонса Доде.

Здесь Аграновский сделал деликатную скидку на то, что не все собравшиеся в Круглом зале могли читать или помнить Альфонса Доде, и коротко изложил эту историю. Когда дама рассказала, рыдая, что у нее погиб ребенок, то все пассажиры и даже усатый кондуктор прослезились. Потом она сказала, что погиб и второй ребенок, и третий, и как-то все потупились, а когда дошла до четвертого, которого съел крокодил, то омнибус с трудом удерживался от смеха, хотя смерть в пасти крокодила была, наверное, всего ужаснее.

– Зная меня, – замечает докладчик, – никто тут не подумает, что я против моральной темы. Проще всего

подрезать это крыло до «нужной» нормы. Потерять еще два миллиона подписчиков и жить без забот. Речь о том, как уравновесить его подъемом другого крыла. Что же конкретно, говоря о стыке экономики и этики, можно за этот месяц отметить?

Называется материал, который прошел бы на ура и в лучшей сегодняшней газете. Это «Умысел» Егора Яковлева, в скором будущем главного редактора «Московских новостей». Совершенно новый конфликт, родившийся на гребне научно-технической революции. Суть его в том, что обиженный на начальство программист Волжского автомобильного завода заложил свою месь в ячейку памяти электронно-вычислительной машины и, уйдя в отпуск, уехав в другой город, остановил завод. До таких невиданных масштабов выросла новая мочь зла – из простого чувства мести один человек оказался способным прервать работу ста тысяч человек, принести заводу огромные убытки.

Ничего близкого к материалу Яковлева по новизне конфликта, журналистскому мастерству в газете нет.

– Да, – говорил Аграновский, – есть темы, из которых при всем желании морали не выжмешь, а с другой стороны, есть темы, где без морального осмысления обходиться нельзя.

Дальше последовал детальный разбор множества публикаций, потом разгорелся большой разговор, который, конечно, не выровнял сразу крылья газете-самолету, но был весь-

ма полезным для всего экипажа. И для тех, кто пишет, и кто редактирует, формирует газетные полосы.

С наступлением новой атмосферы в редакции становилось все более очевидным, что грядут перемены и в руководящем звене газеты. И они произошли. На летучке 28 мая после многолетнего отсутствия появился человек, которого все мы хорошо знали, истосковались по его участию в редакционной жизни. Это был вызванный Толкуновым из Польши Анатолий Друзенко, назначенный членом редколлегии, редактором отдела права и морали. А в крайнем, у входа, кресле скромно сидел человек, которого не видел прежде никто, кроме Льва Николаевича, он его и представил: новый первый заместитель главного редактора «Известий» Николай Иванович Ефимов. Он расскажет о себе сам.

Рассказ был коротким. Пятьдесят один год, родился в Москве, отец и мать рабочие. Сразу после школы поступил на факультет журналистики МГУ. Окончил его в 1955 году, с тех пор работал в АПН. Занимался внутренней и международной тематикой. Десять лет в Лондоне. В последние годы в качестве заместителя председателя правления АПН возглавлял издательство Агентства, затем редакцию газеты «Московские новости».

Среднего роста, симпатичное лицо, приятная естественная речь, хорошо одет. Как обычно и везде водится, народ обменивался впечатлениями о новом начальнике, оно у большинства было благоприятным. Понравился и стиль ра-

боты Николая Ивановича. Не вельможный, ровный со всеми, энергичный. Что особенно было ценно для его высокого поста – он оказался восприимчивым к инициативам подчиненных, в чем я вскоре убедился на собственном примере.

Я был в «Известиях» уже двенадцатый год. С учетом предыдущей работы в Ленинграде общий мой газетный стаж составлял почти двадцать лет, и все это время я не покидал службы информации. Познал все прелести репортерства, поездил, полетал по всему Советскому Союзу, был на Северном полюсе и в Антарктиде, в разных странах, о чем только не писал – о пожарах, наводнениях, взрывах, разминировании, трудовом героизме и бандитизме, открытиях, поисках, находках. Дольше засиживаться в этом качестве не хотелось, на командные роли не тянуло (туда не звали и после того как женился). В 82-м мне предложили перейти в отдел соцстран, чтобы там подготовиться к работе собкором в Болгарии или Югославии, и я не отказался.

К моменту прихода Ефимова я между текущими делами занимался поисками какой-то конфликтной истории в экономических отношениях между европейскими социалистическими странами. Меня, как и многих сограждан, удивляло и возмущало, почему нигде и никогда не сообщается, что та или иная соцстрана не поделила чего-то с другой соцстраной или что между ними возникла проблемная ситуация, требующая разбирательства, а может, и судебного разрешения. Все, что писалось в газетах и говорилось в эфире о сотруд-

ничестве в мире социализма, подавалось исключительно как достижения, общие радости, тогда как в реальности случилось все, включая срывы договоров, нарушение соглашений, взаимное недовольство, жалобы, претензии. Но о чем бы таким я не узнавал в чисто доверительном порядке от советских и зарубежных дипломатов, специалистов в разных областях, они категорически не допускали огласки, она могла стоить им карьеры. Над всеми ними нависало архаическое политическое табу: между социалистическими государствами-друзьями нет противоречий, тем более претензий друг к другу.

Однако я не останавливался и в итоге вышел на доктора юридических наук Сергея Николаевича Лебедева, завкафедрой международного частного и гражданского права МГИМО. Была у него еще одна должность: председатель Морской арбитражной комиссии (МАК) при Торгово-промышленной палате СССР. Являясь постоянно действующим третейским судом, МАК не входила в систему судебных или иных советских государственных органов, была общественной организацией. Двадцать пять ее арбитров назначались из числа высококвалифицированных юристов, экономистов, капитанов дальнего плавания. За полвека своего существования комиссия рассмотрела свыше трех тысяч дел, в которых выступали истцами и ответчиками компании более чем из шестидесяти стран, нередко в обеих этих ролях бывали и фирмы-соотечественницы. Я не собирался объять необъятное, мне требова-

лось лишь одно дело, и оно быстро нашлось – им занимался лично председатель МАК.

Это был иск страхового общества «Ческа статни поиштейвна» (Прага) к «Интерлихтеру» (Будапешт) – совместному предприятию дунайских пароходств СССР, Болгарии, Венгрии, Чехословакии. Лебедев развернул передо мной любопытнейшие подробности коммерческого сюжета, где фигурировал еще и советский лихтеровоз «Юлиус Фучик». Опуская подробности, перейду к финалу сюжета: «Юлиус Фучик» доставил в Братиславу 1867 мешков оказавшегося подмоченным и заплесневелым жмыха земляного ореха, закупленного в Индии. Он предназначался пражской внешнеторговой организации, страховала груз «Ческа статни поиштейвна», которая и предъявила иск перевозчику – «Интерлихтеру» на сумму 55 660 индийских рупий.

– С правовой точки зрения спор представил большой интерес, и я охотно взялся за его урегулирование, – комментировал Сергей Николаевич.

Я же охотно взялся за изучение и изложение этой истории. Получился материал объемом в три полных колонки на газетной полосе. Когда секретарь передавала его гранки Ефимову, я был уверен, что поработал на корзину – такое раньше в наших газетах не печаталось. Ефимов позвонил через полчаса:

– Дадим в следующем номере. Заготовьте свою фотографию.

Материал вышел со снимком автора и короткой биографической справкой. Заголовок – не мой: «Деньги любят счет». Банальный, но по существу.

Прочитирую выступившего с докладом на ближайшей летучке замредактора по отделу науки Кима Смирнова, но не потому, что там речь обо мне, а чтобы показать, как приход Ефимова способствовал положительным сдвигам в работе редакции.

– Есть формула: «делать по прецеденту», – говорил Ким. – Это формула спокойной, бездумной газеты. А газета творческая, завоевывающая читателя, доходящая до его ума и сердца как раз делает все не по прецеденту, не так, как в прошлый раз, каждый раз ища новые решения. Мы возвращаемся на эту творческую дорогу, что само по себе непросто. Существует могучая сила этого самого прецедента, работы по инерции – как проще, как легче. И поэтому особого внимания заслуживают те примеры, когда проявляется творческое начало, нетривиальный взгляд на тему и ее решение. Речь идет о материале Василия Захарько «Деньги любят счет». Об экономических делах в СЭВ (Совет экономической взаимопомощи соцстран. – В. З.) мы рассказываем обычно в лучших традициях дипломатических коммюнике: «Встреча прошла в дружеской обстановке». В лучшем случае даем национальный опыт Венгрии, ГДР и т. д. А ведь СЭВ – сложный механизм, со своими противоречиями, со своими особенностями. Материал Захарько явился

разрушением старого прецедента и одновременно открытием новой экономической темы в печати, сам стал прецедентом.

Я трезво выслушивал умницу Кима, отдавая себе отчет в том, что если бы не новый первый зам главного, то этот прецедент скорее всего был бы не в газете, а в корзине. Много позже, когда Николай Иванович станет главным редактором, он будет очень осторожным, будет побаиваться чуть ли не каждого нового смелого слова в редакции – даже в устном исполнении. А тогда, в начале известинской карьеры, он заявил себя смелым и активным участником улучшения газеты.

Осенью 83-го в редакции образовалась руководящая тройка, спаянная психологически и едиными взглядами на сегодняшний и завтрашний день «Известий». Это Толкунов, Ефимов, третьим был ответственный секретарь. По типовому штатному расписанию советских газет он находился ступенькой ниже других заместителей главного редактора – Валентина Архангельского, Бориса Илешина, Льва Корнешова. Они заняли эти посты при Алексееве и несли немалую долю ответственности за падение качества газеты. Толкунов мог при желании с ними расстаться, но, как человек не жестокий, не мстительный, предпочел дать им шанс реабилитировать себя, и они старались. Основную же свою кадровую ставку после Ефимова Лев Николаевич сделал на человека, которого в свое время принимал на работу, а через несколь-

ко лет назначил первым заместителем ответственного секретаря. Это был Игорь Голембиовский, досрочно отозванный из Мексики на должность ответсека.

Толкунов часто покидал редакцию. Как депутат Верховного Совета СССР он много времени проводил в различных парламентских комитетах и комиссиях, участвовал в переговорах с иностранными парламентариями, главами государств, ездил за рубеж в составе официальных советских делегаций, часто их возглавляя. В его отсутствие все, что касалось содержания газеты, решали двое – Ефимов и Голембиовский. При этом служебная субординация между ними как-то имелаась ввиду, в принципе соблюдалась, но фактически их отношения с первых же дней знакомства приобрели неформальный, дружеский характер. У каждого была своя основная сфера влияния и ответственности. У Николая Ивановича – вся международная тематика, соответствующие отделы, работа зарубежной корреспондентской сети, охватывающей все континенты. Игорь курировал корсет по стране, отдел информации, включая спорт, фотокорреспондентов. А главное, на нем замыкалась вся работа по формированию номеров газеты и ее выпуску.

В один из первых дней своего появления Игорь спросил, не пропала ли когда-то оставленная у меня его любимая напольная пепельница. Не пропала. И вернувшись теперь с шестого этажа на третий, она с утра набивалась окурками, секретарь едва успевала очищать ее в течение дня. Как и рань-

ше, дверь уже в другом, гораздо большем кабинете Голембиовского практически не закрывалась, народ здесь клубился постоянно. Одновременно с работой над текущими полосами обсуждались следующие номера, новые идеи. Днем >— чай, бублики, вечером еще и бутерброды, иногда, в умеренных дозах, алкоголь. В ситуациях цейтнота речи короткие, четкие, но чаще атмосфера оживленная, шумная, споры, смех. Открытый, увлеченный, остроумный Игорь умел создать обстановку, когда всем было интересно, когда хотелось думать.

В середине ноября по поручению главного редактора он создает группу, которая должна предложить изменения в газете с января следующего, 1984 года. Называется свыше десяти имен, все авторитетные: Аграновский, Друзенко, Ермолович, Ефимов, Надеин, Плутник, Стуруа, Фалин, Эдуард Церковер (редактор отдела информации «Недели»).... В эту группу Игорь включает и меня. Накануне он поинтересовался, не хотел бы я перейти на работу к нему в секретариат, отказавшись от собкорства в Болгарии (уже определилось, что поеду в Софию). Мне страшно нравилось все то, чем жила, зажглась редакция, и подумывалось, что, может, лучше остаться в Москве. Но сомнения были, и мы договорились с Игорем, согласовали с Ефимовым, что временно я поработаю при секретариате на внутреннюю тематику, а дальше будет видно.

Продолжая меняться своим содержанием в лучшую сто-

рону, газета, конечно, ни на йоту не отходила от требований, вытекавших из той ленинской цитаты, что нависала над нашими головами в вестибюле редакции. Ее суть сильно давила на мозги. «Известия» оставались таким же партийным пропагандистом, агитатором и организатором, как и вся советская печать под водительством «Правды» – главного органа ЦК КПСС. Прежними были численность редакции (около пятисот человек), ее громоздкая структура, утвержденная в том же ЦК, принятые еще в сталинские времена организация и технология работы. Каждый номер – всего лишь из четырех или шести полос – вела многоуровневая контролирующая команда в составе: заместитель главного редактора, редактор отдела – член редколлегии, зам ответственного секретаря, двое выпускающих, дежурные сотрудники от каждого из двадцати двух отделов плюс служба проверок, корректуры... Одной из главных задач таких бригад было не допустить на страницах газеты инакомыслия. Но оно просачивалось, хотя и не в прямом виде, а в подтексте тех или иных публикуемых материалов, в выборе тематики, адресов для критики, на которую порой с немалым риском для своей карьеры мужественно шли наши корреспонденты и, конечно, главный редактор.

В конце ноября, выступая на летучке, Толкунов сообщил: «Подписка на “Известия” на 84-й год выросла на 428 тысяч экземпляров по сравнению с ноябрем прошлого года. Есть надежда, что до конца декабря тираж возрастет еще тысяч

на сто – сто пятьдесят».

Естественно, дальше прозвучали слова, что нам нельзя самообольщаться – для этого и была создана группа по совершенствованию газеты. Каждый что-то предлагал от себя, несколько раз мы вместе подолгу всё обсуждали. Голембиовский обобщил мнения и сделал обстоятельный доклад, вызвавший живую дискуссию на специально созванном собрании. Немало из намеченного было реализовано, и с нового года «Известия» продолжили набирать профессиональную высоту.

Но и дальше самообольщения не наступало, его просто быть не могло. По большому счету, все мы хорошо осознали, что, как бы ни улучшали газету, мы не сможем сделать ее такой, какой бы надо делать, – правдивой и честной, по-настоящему смелой. Журналистика, как и дипломатия, и политика – тоже искусство возможного. Государственная идеология, жесточайшая цензура оставляли слишком узкий коридор для наших устремлений. Надежды на реформы Андропова обернулись всеобщим разочарованием. В общественную жизнь пришли еще большие заморозки, еще сильнее стало подавляться инакомыслие. В конце 1983 года были приняты репрессивные по сути указы об усилении ответственности за антисоветскую, антигосударственную деятельность. Еще более узким был коридор журналистских возможностей в международной тематике. Наши полит-обозреватели, сотрудники иностранных отделов, собкоры за грани-

цей (некоторые от КГБ и ГРУ – Главного разведуправления Генштаба армии) держали руку на пульсе мировых событий, старались рисовать своими репортажами, статьями реальную картину многообразной жизни стран и народов, но могли это делать только сквозь призму официальной советской пропаганды. И уж совсем крайне ограничены были в материалах, касающихся внешней политики СССР – в ее адрес не допускалось ни слова критики, тогда как она была в значительной степени повинна в том, что в последние годы в мире возникла высочайшая напряженность. Продолжалась развязанная советским руководством война в Афганистане. Нашей ракетой с нашего истребителя был уничтожен в сентябре 1983 года южнокорейский пассажирский самолет...

Об очень многом в родной стране и за ее рубежами газета не могла писать всю правду, но кое-что все же удавалось. Это видели, понимали читатели, отчего и росло доверие и уважение к «Известиям». И была в этом заслуга человека, который отвечал буквально за все не им написанные строки – Льва Николаевича Толкунова. Здесь уместно привести сказанное о нем Егором Яковлевым: «Толкунов вел газету по краю пропасти. Умел (ох, как умел!) не делать опрометчивого шага, из-за которого рухнет в тартарары все, что покоится на плечах главного редактора. И не позволял себе (не знаю случая, когда бы позволил) хоть на шаг отступить от обрыва».

2 февраля 1984 года исполнился год со дня возвращения

Толкунова на Пушкинскую площадь. Через неделю, 9 февраля, умер Андропов. Эстафету руководства государством принял дрожащими руками дряхлеющий новый генсек К. У. Черненко. Он исполнил пожелание Андропова: перевести Толкунова на одну из высших должностей в стране – председателя верхней палаты Верховного Совета СССР. После четырех лет работы в Кремле Лев Николаевич ушел на пенсию. В июле 1989 года умер. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В 2002 году была издана книга о Толкунове «Дважды главный». Ее авторы – многие известные журналисты, публицисты, общественные деятели. Вспоминая Льва Николаевича, они рассказывают о его личности, о времени, когда он дважды возглавлял «Известия», о том, что тогда являла собой наша пресса, каковы были ее возможности и проблемы. Это достойная книга еще и о большом периоде в биографии газеты – очень сложном, противоречивом и чрезвычайно интересном. К сожалению, в самой газете по случаю выхода книги не придумали ничего умнее, как напечатать иронический отзыв о факте ее издания, пренебрежительно оценить мотивы публикации как ностальгию авторов по далекому прошлому. Вышедшая без подписи, то есть от имени редакции, эта заметка красноречиво указывала на причастность к ней людей, не знающих и не желающих знать истории великой газеты, в которой они оказались явно по чистой случайности.

Время Лаптева

После ухода Толкунова почти три месяца мы гадали, кем он будет заменен. От некоторых имен приходили в ужас, другими были более-менее удовлетворены, восторга же не вызывал никто. Лишь много лет спустя стало известно, что в списке кандидатов в главные редакторы «Известий», который лег на стол Черненко, значилось шесть фамилий. Генсек затребовал характеристики и пояснения от своих помощников. Двое из них знали по рабочим контактам шестого кандидата – И. Д. Лаптева, хорошо о нем отзывались, после чего Черненко и дал команду: утвердить.

Описывая этот сюжет в своей книге «Власть без славы», Иван Дмитриевич вспоминает, что в тот день, когда его представили редакции (29 апреля 1984 года), он знал только троих известинцев – Александра Бовина, Егора Яковлева, Ирину Дементьеву. Остальных видел впервые. Соответственно и все остальные впервые видели своего нового главного. Журналистов тревожило, в какую сторону он будет гнуть газету. Добываемые отрывочные сведения указывали на то, что это личность явно целеустремленная. Из многодетной крестьянской семьи в сибирской глухомани, отец погиб на войне. В четырнадцать лет ремесленное училище, затем – работа крановщиком; окончил вечернюю школу с серебряной медалью; потом >– автодорожный институт; чемпион и рекордс-

смен СССР по велосипедным гонкам за лидером. Но очень уж идеологической казалась ориентация в дальнейшей карьере: дебют в партийной газете, журнал «Коммунист», Академия общественных наук при ЦК КПСС, лектор и консультант отдела пропаганды ЦК, заместитель главного редактора «Правды»... Оживленные комментарии в доме на Пушкинской сводились к тому, что этот целеустремленный человек с опытом гонки за лидером постарается обойти даже свою «Правду» по верности марксизму-ленинизму.

Однако на первом же заседании редколлегии случилось неожиданное: новый главный заявляет, что мы будем делать газету, непохожую ни на какую другую, ее название – «Известия». Дальше – больше, еще более неожиданное, просто удивительное. На общем собрании редакции с участием собственных корреспондентов он четыре часа выслушивает своих подчиненных, отвечает на вопросы. А темы все острее и острее, круг их самый широкий – деградирующая экономика, сплошной дефицит, разложение власти, повсеместная ложь, показуха, двойная мораль, растущее недовольство людей, афганская авантюра... Такое было впечатление, что до размеров огромного редакционного зала расширились наши домашние кухни, где только и мог идти откровенный разговор о безрадостной картине советской действительности. Суть же вопросов: мы будем обо всем этом молчать – или писать?

Дав выговориться всем желающим, Лаптев своими отве-

тами показал, что он не хуже, а порой гораздо глубже и компетентнее других знает реальную жизнь, корни ее тяжелых проблем. По всему чувствовалось, что он небезразличен к судьбе страны, считает и верит, что ее можно и нужно менять к лучшему, и готов действовать так, как ожидает от него этот бурный, взволнованный зал.

Можно назвать конкретный день, когда возникло всеобщее редакционное доверие и уважение к новому руководителю газеты – 18 мая 1984 года. В этот день была напечатана запрещенная цензурой статья «Расплата» о гигантской коррупционной сети в Москве вокруг знаменитого Елисеевского магазина, вызвавшая сильнейший резонанс по всему СССР, горы телеграмм, писем. Но была и другая реакция – тех, по мнению которых Лаптев не выдерживает и месячного испытательного срока. Как вспоминал Иван Дмитриевич, после той публикации ему позвонили сразу несколько членов Политбюро, секретарей ЦК, и жестким тоном все говорили примерно одно и то же: «Вы хотите всё опоганить, мы этого вам не позволим!». Его срочно вызвали в ЦК, где в ходе разноса заявили: «Ты не разобрался, что у тебя в коллективе есть группа, которая хочет твоими руками специально жару поддать». Недвусмысленно предупредили: «Подумай!..».

Во всем-то Лаптев хорошо разобрался и о многом подумал, не даром же он доктор философских наук. В редакции была не какая-то группа, а подавляющая часть людей свободолюбивых, демократических воззрений, здесь царил

дух гражданственной журналистики. На этих людей и сделал профессиональную и политическую ставку новый главный, а они признали в нем человека одной с ними крови. На каждодневных планерках, еженедельных летучках он всегда приветствовал и поддерживал критический заряд. Вот что, например, говорил 3 сентября:

– После двух или трех летучек, которые у нас прошли довольно-таки бурно, ко мне стали заходить некоторые товарищи и говорить: «Можно ли так – чтобы все подряд разносить, как будто успехов у нас вроде и нет?». Я считаю, что наличие критики является показателем нравственного и любого другого здоровья коллектива, отсутствие критики – тревожный сигнал. Хотелось бы, конечно, чтобы она всегда была конструктивной, несла в себе какие-то предложения, но она все равно должна быть критикой, попыткой серьезного, взыскательного анализа. – И дальше: – На мой взгляд, один из важнейших показателей эффективности нашей работы – это то, насколько газета за ту или иную неделю отвечала происходящему в стране, в мире в целом, насколько соответствовала тому, что волнует людей, как отвечала на вопросы, которые у них возникали. Давайте высказывать всё это открыто, исходя из одной посылки: как сделать нашу газету более яркой, более доходчивой, более убедительной и более полезной тем, кто нас читает.

Делать такую газету было по-прежнему трудно, поскольку

при Черненко ничего в стране не поменялось к лучшему. Намечавшиеся при Андропове реформа образования и некоторые социальные проекты не были доведены до конца, рухнули. Первое время еще продолжалось начатое Андроповым преследование видных коррупционеров. Был расстрелян Соколов, директор Елисеевского магазина в Москве, герой известинской статьи «Расплата»; предан суду зять Брежнева генерал-полковник Чурбанов. Тогда же покончил с собой министр внутренних дел Щелоков. Но громко начинавшаяся борьба с коррупцией вскоре сошла на нет. Зато по инерции стал проявляться давний советский феномен – культ личности вождя.

Без упоминания имени Черненко выпускать газету невозможно. Да никто особенно и не старается этому противостоять. Как когда-то цитировали Сталина, потом Хрущева, Брежнева, Андропова, так и теперь все еще не выглядит неприличным по поводу и без повода ссылаться на бесценные указания генерального секретаря. Делается это механически не только в передовых статьях, но даже в своей многотиражке «Известинец», даже в выступлениях на летучках. Так, никто не тянул за язык редактора отдела информации Жору Меликянца, но он посчитал не лишним к числу последних важнейших событий в жизни страны и мира отнести тридцатиминутную формальную встречу генсека с руководством Никарагуа. Говоря на следующей летучке о молодежных проблемах, редактор отдела школ и вузов Елена Ивано-

ва сочла нужным обязательно подкрепить свою мысль фразой из речи товарища Черненко на месячной давности совещании секретарей армейских и флотских организаций. «Известинец» приводит выдержку из доклада на партийном собрании Игоря Голембиовского: «Партия нацеливает нас на анализ опыта и на основе этого – на совершенствование всей системы управления процессами развития общества. Это не раз подчеркивалось в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Черненко. Работа предстоит большая и ответственная, тем более что ее надо соотнести и с непростыми задачами нашего собственного развития как творческого коллектива». Никто не верил в то, что говорил, вся эта словесная эквилибристика являлась данью, какая платилась и за личную карьеру, и за коллективную возможность печатать материалы, которые хоть и эзоповым языком, но иногда показывали античеловеческую сущность советского социалистического строя.

В нынешнее время – в 2010-е годы – российская пресса немало ностальгирует по советскому прошлому. Но если его возвращать, то в страну надо обязательно вернуть еще и зловещий культ секретности, а в каждую редакцию – цензора. Расскажу типичную историю из повседневной жизни «Известий» прошлых лет и вместе с тем уникальную, потому что длилась она целых два года. Началась при главном редакторе Алексееве, продолжилась при Толкунове, завершилась с участием Лаптева.

Здесь надо вспомнить, что еще в середине XIX века ученик 7-го класса 1-й Киевской гимназии Я. Демченко, впоследствии известный инженер, в своем сочинении «О климате России» впервые предложил повернуть воды Оби и Иртыша в район Аральского моря. С тех пор научному и проектному развитию этой идеи было посвящено множество книг и статей. Но после того как в 1976 году руководство СССР приняло решение о переброске на юг части стока рек Сибири и европейского Севера, на публикации по этой теме был наложен строжайший запрет.

Допускалась лишь формулировка из партийных решений: «предусмотрено перераспределение водных ресурсов». Но каких ресурсов, откуда, куда, когда, цена, риски для природы и людей? Однажды летом 1982 года мне подумалось: а почему бы не попытаться подготовить и опубликовать материал с ответом на эти и другие вопросы?

Одновременно с текущей работой я стал искать встреч с компетентными людьми в мире науки и гидростроительства. Немало времени провел в московском институте «Гидропроект» и его ленинградском филиале. Так я узнал, что начертанное партией уже реализуется. Вскоре была готова моя большая статья о поистине грандиозном размахе проектно-изыскательских работ с участием ста шестидесяти институтов, десятков министерств, девяти союзных республик. Намечалось, что уже к 1990 году вода из бассейна Северной Двины хлынет по Волге, Дону и новым каналам в Краснодар-

ский край, Калмыкию, на Северный Кавказ. Канал длиной в 2550 километров, шириной 170–200, глубиной 15 метров должен был соединить Обь с Амударьей.

Разумеется, материал был написан таким образом, что в нем не звучала критика этого проекта, иначе он не мог появиться в газете. Избрав сухой, совершенно нейтральный, чисто информационный стиль, я исходил из главного для себя: надо сделать все возможное, чтобы пробить брешь секретности, сообщить о начале гигантских работ, а какая будет реакция на эту сенсацию – это уже другая, не моя проблема. Показываю статью человеку, от которого прежде всего зависит ее судьба. Это представитель Главлита в «Известиях», проще – цензор, он сидит в маленькой комнатке рядом со службой выпуска газеты. До подписания номера он обязан прочитать на каждой из полос все до последней буковки и не пропустить ничего из того, что запрещено.

Сегодня мало кто знает, как работал механизм засекречивания. Все грешат на КГБ. Да, опьяненные бдительностью чекисты следили за соблюдением гостайн, но их перечень составляли не они – правительство. На основе предложений министерств и ведомств, а те в свою очередь – на основе пожеланий предприятий, организаций, учреждений. Неумеренное употребление грифа «секретно» превратило его из средства безопасности в оружие бесконтрольного дозирования всех информационных потоков, повсеместного сокрытия правды, искажения реалий, насаждения массового стра-

ха. Фактически не было дня, чтобы цензор не позвонил в один или несколько отделов редакции, требуя визу на стоящую в номере публикацию. Получать же ее — значило просить милости у высоких чиновников, реакция которых зачастую исходила не из государственных, а из сугубо ведомственных интересов, личных амбиций. Отказы в визах погубили великое множество смелых, честных, умных материалов журналистов, не говоря уж об ударах по их нервам, здоровью, творческому самочувствию и самолюбию.

Прочитав статью, дежурный цензор (между прочим, добрый малый, вместе играли в футбол) сказал: «Нужна виза Министерства водного хозяйства СССР».

Но в министерстве статью смотреть не стали, пока не даст согласие сельхозотдел ЦК КПСС. Благодаря весу «Известий» мне удалось наладить контакт с работниками этого отдела. Они потом не однажды меня принимали, поили чаем с традиционными в их стенах бубликами, рассказывали о продвижении проекта. Просили внести поправки, иногда существенные. Каждый раз я приносил новый вариант текста, который по мнению партийцев-агров становился все лучше и лучше. Но все разговоры заканчивались неизменным: пока публиковать не время.

Наконец было сказано, что время подошло, только вместо статьи надо взять интервью у первого замминистра Минводхоза Полад-Заде, ему уже дана команда из ЦК принять меня. На следующий день я был в кабинете одного из главных

идеологов переброски вод. Мы побеседовали, Полад Аджиевич сказал, что за основу интервью можно взять содержание статьи. Я поменял один жанр на другой, снова пришел в этот кабинет. Его хозяин внес первую правку в интервью. Потом это делал еще трижды в течение трех месяцев, каждый раз согласовывая свои поправки с сельхозотделом ЦК. В итоге все же расписался на гранках, чтобы я имел разрешительный документ для показа цензору.

Начал я добиваться этой визы осенью 1982 года, когда главным редактором «Известий» был Алексеев. Потом мои еще не подписанные гранки читал и одобрил Толкунов, пожелав успеха при визировании. Потом редакцию возглавил Лаптев. И только при нем в июне 84-го вышел номер газеты с интервью под заголовком «Северная вода для юга».

Почему его разрешили? Сыграла ли какую-то роль моя настырность? Скорее всего, действительно подошло время, когда в самом аппарате ЦК усиливалось влияние людей со здравым смыслом. Из вышедшей спустя много лет книги о выдающейся личности – Николае Иноземцеве, директоре знаменитого Института мировой экономики и международных отношений, я узнал, что он в конце 1981 года командировал в Америку своего сотрудника Александра Дынкина с тайной целью собрать максимум сведений о проекте переброски вод из рек Канады на юг США, закрытом «по причине непредсказуемости политических, экономических и экологических последствий». Согласие на эту миссию дал

Иноземцеву в ходе их доверительной встречи секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Ему по возвращении Дынкина из США и была передана аналитическая записка. Возможно, каким-то звеном в сложной цепи закулисных действий в партийных верхах и стало со временем разрешение на публикацию в «Известиях».

Конечно, ответами Полад-Заде воспевался поворот рек. Повторяю, ничего другого не могло быть напечатано. Но для газеты (и, понятно, для меня) важным был сам факт сообщения о невиданном масштабе работ, скрываемых от страны и мира. Завершу эту историю не самым приятным для себя воспоминанием. На летучке мой материал резко раскритиковал Руслан Армеев, брат-репортер, честнейший человек, большой знаток и тонкий наблюдатель природы. Он назвал его усыпляющим общественную бдительность.

— Мы пишем, — сказал Руслан, — в радостно-оптимистическом ключе о проблеме колоссального значения для судьбы России. А ведь где-то, как-то, из докладов и лекций, между строк, но только не из «Известий», мы узнаём, что у этой проблемы есть и тревожный оттенок.

Дальше он приводит мнения специалистов, которые утверждают, что осуществление проекта нанесет непоправимый ущерб. Будут затоплены гигантские территории, погибнут поля и леса, многие месторождения, в том числе нефти и газа. Пострадают многие старинные города, монастыри и

другие памятники – их около тысячи! От знаменитых Соловков останутся одни воспоминания. Убийственна и ссылка на академика Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Проект приведет к гибели культуру русского Севера. Неизбежное переселение населения вызовет смещение диалектов, местных традиций, фольклорных, музыкальных и пр. Мы лишимся Севера – самого важного района русской (увы, уменьшающейся) нации».

Другой больной вопрос – готов ли Юг к приему северной воды? Там велика опасность того, что из-за интенсивного злоупотребления поливом через пять-семь лет земля выйдет из строя очень надолго. Возникает и масса других вопросов, а ответа на них нет...

В заключение своей речи, как свидетельствует стенограмма, мой искренний товарищ посылает мне комплимент и предложение:

– Хочу призвать Василия, который показывает нам образцы газетной предприимчивости и доведения любого дела до конца, подготовить еще один материал на эту тему, но такой, чтобы все могли увидеть упомянутый проект с другой, не лучезарной стороны.

Я был очень расстроен тем, что и многие читатели наверняка оценили публикацию «Известий» именно так, как Армеев, а я не могу объяснить им причину «лучезарности» интервью. Но в своей аудитории решил не отмалчиваться. Цитирую по стенограмме:

— И я, как репортер, и наша газета поступили честно: мы проинформировали о том, что работы идут. Тогда как остальные СМИ об этом молчат. Так что же правильнее: молчать до того момента, когда кто-то нажмет кнопку и вода польется на юг по уже построенным системам, или еще на проектной стадии сообщить о ходе дел? Мне показалась бы позиция Руслана более гражданственной, если бы он в подкрепление того, о чем здесь говорит, еще раньше, годы назад, предпринял попытки для высказывания тревоги — нашей общей тревоги — на страницах газеты. Но, насколько я знаю, таких попыток он не предпринимал. Я считаю, что в столь сложной, очень чувствительной для природы и общественного мнения проблеме все должно быть прозрачно для печати — гласность только поможет нашему общему делу. Сам факт, что «Известия» выступили, может открыть возможность для более широкого и компетентного обсуждения идеи переброски вод — и в этом видится немалая польза нашей публикации.

Так оно и вышло. Пробившись сквозь секретность, сразу после прихода Горбачева во власть эта тема стала активно и страстно обсуждаться всей нашей прессой. В 1986 году под давлением общественного мнения проект был закрыт.

Как я сейчас, так и каждый известинец той поры может вспомнить свою историю (и не одну) о том, как в процессе подготовки материалов для газеты приходилось сталкивать-

ся с огромным числом ограничений и препятствий — цензурных, идеологических, бюрократических, ведомственных и просто дурацких, устанавливаемых начальниками разных рангов, удельными князьками в лице партийных секретарей райкомов, обкомов, республик. Мы не знали, сколько это будет продолжаться и наступит ли тому вообще когда-нибудь конец. При Черненко ничего не было похожего на то, что перемены возможны. И хотя в «Известиях», благодаря Толкунову, а теперь и Лаптеву, царил творческий настрой, особенно всеобщего энтузиазма насчет будущего заметно не было, всем оно виделось по-разному.

Когда в июне Голембиовский повторил мне предложение перейти на постоянную работу в секретариат, я ответил, что склоняюсь к отъезду в Болгарию. Вскоре были оформлены документы, и я улетел собкором в Софию. Командировка подтвердила семейные ожидания: здесь жизнь для нас была полегче и получше, удачно пошли и мои корреспондентские дела.

Без особого оптимизма воспринял я через полгода возвышение М. С. Горбачева. Но когда увидел по телевидению его майский в 85-м году выход на улицы Ленинграда, ставший светлым, обнадеживающим лучом в тусклой советской действительности, меня вдруг потянуло домой. Я сразу поверил в возможность перемен, не тех, конечно, грандиозных, которые потом произошли и о которых никто тогда не грезил, а чем-то похожих на чехословацкий социализм с челове-

ским лицом. Несмотря на свои сорок шесть лет и накопившуюся уже немалую долю цинизма, я искренне – клянусь в этом, – всем сердцем отозвался на зов начавшего звучать лозунга: «Кто, если не я?». Видел же себя не на каких-то бастионах борьбы за демократию, а в своем привычном качестве: репортером. Мне казалось, что раз начинается открытость «наверху», редакция смогла бы добиться моей аккредитации при Горбачеве, а благодаря этому я добывал бы такую информацию, которой не имел бы никакой другой журналист. Будучи летом в отпуске, высказал эту идею главному редактору, но он улыбнулся, посчитал ее излишне романтической, нереальной и посоветовал продолжать радоваться соборовской жизни, пока есть такая возможность.

Только забывчивые люди или не знающая недавней истории молодежь считают, что пришел к власти Горбачев – и в стране наступила гласность. Ее никто не дарил, она очень тяжело и долго завоевывалась самой прессой, а сопротивление ей было жесточайшим. Продолжая выдавливать из себя по капле раба, «Известия» становятся одним из наиболее мощных журналистских локомотивов перемен. Если «Московские новости» под руководством Егора Яковлева, журнал «Огонек» Виталия Коротича своими острыми, пробивающими цензуру публикациями выступают как бы группой захвата все новых и новых позиций гласности, то «Известия» действуют самым широким фронтом, печатая материалы, которые ошеломляют советское общество новизной и актуально-

стью темы, глубиной ее разработки, высоким классом изложения.

На всю страну прогремел очерк Эдвина Поляновского «Анонимка». Миллионы советских судеб сломаны, многие люди погибли в тюрьмах, лагерях из-за того, что анонимки были узаконены и на них строились обвинительные заключения. Редакция заступилась за человека, которому дали семь лет тюрьмы по анонимному доносу. Была доказана необоснованность следствия и суда, сделан вывод: государство должно запретить рассмотрение анонимок абсолютно всех и везде. Против «Известий» ополчилась Генеральная прокуратура СССР, ее поддержали несколько отделов ЦК КПСС, в том числе главный – отдел организационно-партийной работы, десятилетиями питавшийся анонимками. Газета защищалась и настойчиво контратаковала в течение полутора лет. За это время вышло одиннадцать (!) подготовленных Юрой Орликом крупных публикаций на эту тему, результатом которых явилось постановление ЦК КПСС, а затем и Указ Президиума Верховного Совета СССР, запрещающие принимать, рассматривать, использовать анонимки. (Будет справедливым отметить, что в это же время, независимо от выступлений журналистов «Известий», активную борьбу с анонимками вела хорошо известная ныне правозащитница Лидия Графова – в «Литературной газете»).

Таковыми же масштабными были выступления многих других известинцев. В частности, Александра Васинского – о

несовершенстве кадровой политики, Эллы Максимовой – об использовании советской психиатрии против инакомыслящих, о без вести пропавших в Великую Отечественную войну, Леонида Капелюшного – о страшных экономических и моральных, нравственных последствиях коллективизации сельского хозяйства на примере истории жизни нескольких поколений одного украинского села. Собственный корреспондент по Хабаровскому краю, впоследствии многолетний депутат Государственной думы Борис Резник рассказал историю украинского инженера Алексея Шобей. В свой отпуск он подрабатывал в колхозе. Рассчитались с ним не деньгами (их у колхоза не было), а натуральным продуктом – выдали полторы тонны семечек. Шобей доставил их в Хабаровский край и продал потребкооперации. Его называли спекулянтом и осудили на четыре года. Материал Резника «Такие семечки» вызвал бурю возмущенных откликов со всей страны. Но юстиция не спешила признать правильность позиции газеты, которая сводилась к тому, что не может быть подсудной реализация натуральных продуктов, заработанных в совхозах и колхозах. Борис пишет вторую статью – «Еще раз про семечки» и добивается освобождения Алексея Шобей. Но печатается еще и третий материал, он уже не про семечки, а о повсеместной судебной практике. В результате автор и газета добиваются своего – Верховный суд СССР пересматривает многолетнюю практику, после чего в разных краях необъятной страны выходят на волю 6786 человек, судимых

по той же изуверской статье, которую применили в истории с семечками.

Обостряя и расширяя тематику выступлений газеты, Лаптев производит кадровые перестановки, вливает в редакцию свежую кровь. Ведущий отдел советского строительства возглавил Игорь Карпенко. Экономическое направление усиливается Анатолием Друзенко. На освободившееся место руководителя отдела права и морали приходит зам. главного редактора «Комсомольской правды» Николай Боднарук. Фельетониста Владимира Надеина переводят в редакторы крупного (70 человек), самого близкого к читательским массам отдела писем, своеобразной службы обратной связи. В его замы приглашается из «Комсомолки» Юрий Орлик (о его роли в борьбе с анонимками здесь уже говорилось). Редактором отдела информации становится Андрей Иллеш. Все они – сильные журналисты демократических убеждений. Идут новые назначения и в международных отделах, в соборовской внутренней и зарубежной сети.

Кадровые изменения коснулись и моей персоны. Забавно вспоминать, что в мой приезд в Москву в марте 87-го буквально за считанные дни я получил сразу три предложения. Егор Яковлев позвал в «Московские новости» своим первым замом, ругая при этом «Известия». У нас с ним были очень хорошие отношения, мы их активно поддерживали и по телефону, одновременно работая собкорами: я в Софии, он – в Праге. Восторгаясь тем, как Егор поднимал без-

ликий до этого еженедельник, я все же предпочел оставаться в родной ежедневной газете. Второму кадровому предложению предшествовало большое совещание в ЦК КПСС с участием всех советских корреспондентов и многих дипломатов, аккредитованных в соцстранах. Собственно, на это совещание меня и вызвала редакция. Его повестка была на злобу дня: как во время советской перестройки мы должны работать за границей. Днем раньше в редакции сказали, что звонили из ЦК, дадут слово и мне, так что надо подготовиться. Но когда открывали совещание, заведующий отделом пропаганды Юрий Скляр не постеснялся заявить со сцены, что в этот раз в духе перестройки списка выступающих нет, никого заранее не предупреждали. Это вранье придало мне смелости, и я положенных десять минут без бумажки говорил все, что думал. Главное из того, что сказал: надо печатать правду о жизни в этих странах, об их внутренней и внешней политике, выдавливать из себя цензоров, не бояться окриков наших посольств, нашего МИДа и местных властей. Зал отреагировал хорошо, а вечером позвонили домой из ЦК с просьбой быть завтра к 10.00 в приемной заведующего отделом социалистических стран Георгия Хосроевича Шахназарова, пропуск заказан. Зачем? Не объяснили. Было еще не поздно, мне с Чистых прудов до редакции близко, я решил на всякий случай встретиться с кем-то из начальства. Вдруг что-то серьезное, касается газеты. Зашел к Ефимову, тот повел меня к главному. Перебрав втроем несколько вер-

сий, не остановились ни на одной. Я уже уходил, когда Иван Дмитриевич весело произнес:

– Знаешь, могут и на работу позвать. Но смотри, если инструктором, то это собачья должность, все время на побегушках. А если консультантом – думай... Многие доктора наук мечтают об этой должности.

Когда Шахназаров велел секретарше принести два чая и бублики, я расправил плечи – знал, что при таком гостеприимстве не ругают. Подумалось: а если и в самом деле предложат работу? Про себя стал посмеиваться: интересно – кем? Пока несли чай и бублики, я узнал, что в этом кабинете размером с полстадиона, с дюжиной телефонов работал Андропов, постоянно бывали его заместитель Толкунов, члены первой в ЦК знаменитой группы консультантов: Бурлацкий, Бовин, ставшие академиками Арбатов, Богомолов. Я почти-тельно слушал и прикидывал, что если такие большие люди были консультантами, то мне может светить не выше инструктора.

– Ну а теперь к делу, – отпив чай, сказал Георгий Хосровевич. – Я встречаюсь с вами по поручению секретаря ЦК КПСС Вадима Андреевича Медведева. Он вчера слышал ваше выступление, оно ему очень понравилось. Мы предлагаем вам работу в качестве консультанта...

Я был удовлетворен, я почувствовал, как лесть обволакивает мою горькую душу. И уже изготoвился услышать похвалу за свое трехлетнее собкорство в Болгарии: если сюда

зовут, значит, видели по материалам в «Известиях», что я там не отлынивал, старался соответствовать уровню газеты, и сейчас знают, на что я способен, чего можно от меня ждать. Но, увы, о моей корреспондентской работе за всю 40-минутную встречу не было сказано ни слова. Выдержав правила приличия, я поблагодарил за доверие и, конечно, отказался – партийная деятельность была мне абсолютно противопоказана и по моим убеждениям, и по своему характеру. Отказывался не этими словами, просто сослался на свой склад ума: вам нужен доктор наук, мыслитель, а я репортер, не потяну. Шахназаров (отец известного кинорежиссера Карена Шахназарова) говорил, что не надо спешить с ответом, у вас получится и т. п. При расставании с холодной улыбкой сказал: – Да, сейчас демократия... Еще недавно с вами вели бы здесь речь по-другому, не уговаривали бы. Но все же подумайте. Через несколько дней вам позвонят.

Первое, о чем подумалось, когда выходил из исторического кабинета: это ведь ужасно – организация, которая вершит судьбами государства, сотен миллионов людей, приглашает к себе на работу только на основании того, о чем человек десять минут вещал с трибуны. Выходит, достаточно всего лишь произвести впечатление... И это – штаб перестройки страны? В тот день я не стал скептиком, но романтизма прибавилось.

Действительно позвонили. Кто-то на уровне завсектором, с ним и была поставлена точка в несостоявшемся партийном

трудоустройстве. В те мартовские дни я находился в Москве еще и в связи с 70-летним юбилеем «Известий», на который были приглашены собкоры. После торжеств Игорь Голембиовский – напомним, ответственный секретарь – предложил мне место своего первого заместителя.

Выяснилось, что с главным редактором обсуждался такой вариант, он одобряет. Никто не гнал лошадей, необходимости в спешке не было. Понадобилось время, чтобы найти мне замену, утвердить ее в инстанциях и только 14 ноября я с семьей окончательно вернулся в Москву. Мог, конечно, обустроиваться с неделю, но не вытерпел, был в редакции утром следующего дня.

Хорошо припоминаю то время: обстановка в нашем доме приподнятая, газета идет нарасхват, отражая бурю в жизни страны. Шлюзы гласности открываются все больше, запретных тем становится все меньше. Редакция единодушна в том, что мы должны поддерживать перестройку и быть нетерпимыми к силам реакции. Это и есть стратегическое направление в нашей работе, в том числе и в новой моей. Наш каждодневный девиз – делать очередной номер лучше предыдущего, чего добиваться нелегко. Но народ в «Известиях» работоспособен, у нас масса талантов. Трудовой энтузиазм организуем в новые творческие группы, комиссии, идут споры, дискуссии.

Как и при Толкунове, самые важные вопросы решала тройка: главный редактор, его первый зам, ответсекретарь.

Однако по влиянию на все — на известинский климат, курс газеты, ее содержание, кадровую политику теперь уже второе и третье места в этой тройке нужно поменять между собой: Голембиовский вышел вперед Ефимова, его в редакции стало больше. Это подтверждают и стенограммы летучек. Игорь берет слово фактически на каждой из них, предпочитает говорить о наших неудачах, просчетах на фоне серьезных проблем в стране, всегда что-то предлагает. Николай Иванович выступает намного реже, идей у него меньше, мнение о крупной публикации часто сводится к тому, что она бы выиграла, если бы ее существенно уменьшили. Тяга к сокращениям у него постоянная, любит урезать материал часто на целую колонку, независимо от ее высоты. Появился даже термин: сократить на «ефимовку», то есть на колонку.

Все видят, что Игорь много работает. Уважение к нему всеобщее, но не каждому нравятся появившиеся в нем категоричность, убежденность, что он лучше других знает, где лежит истина. От него в разговоре с кем бы то ни было можно часто слышать учительское, а то и командирское: «ошибаешься», «ты неправ», «не обольщайся», «не надо заблуждаться». Обидчивые люди не выдерживали, срывались, говорили в ответ что-то неприятное. Так было и на летучке, когда сотрудник военного отдела, старый фронтовик Григорий Аксельрод в перепалке с Игорем бросил ему (так в стенограмме):

— Я говорю от своего имени, это — мое личное

мнение. Но у тебя, конечно, по этому поводу есть особое мнение и оно, как водится, единственно верное.

Наши отношения с Игорем так сложились, вернее – так закрепились в секретариате, что лучше и не надо. У нас полное взаимопонимание по всему, что касается работы, сюда, понятно, входят и взгляды на политическую позицию «Известий». Когда случаются разногласия, они нормально обсуждаются. Если я слышу в свой адрес «ты неправ», «заблуждаешься», то и в тех случаях, когда я абсолютно прав, а ошибается, заблуждается он, и я об этом ему откровенно говорю, разговор протекает спокойно. Ни разу ни один из нас не повысил голоса, не бросил на другого косого взгляда. А общались мы, занимая соседние кабинеты, по многу раз на день. Вспоминаю о своем секретариатском периоде с Игорем, как о комфортном и очень интересном. Но длился он недолго – всего год.

Поздней осенью 1988 года в руководящем звене «Известий» произошли серьезные перемены. Ушел Ефимов, как тогда считалось, на большое повышение – заместителем заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Известинцы не сомневались, что первым замом главного станет Голембиовский, этого хотел и Лаптев. Но с его мнением и настроением коллектива высшее руководство страны не считалось. На место Ефимова оттуда, из ЦК, прислали заместителя заведующего подотделом массовой информации Владимира Севрука, одного из самых нелюбимых интел-

лигенцией, хамоватого партаппаратчика-демагога. В связи с выходом на пенсию уволился многолетний зам главного Борис Илешин. И уже на его должность был назначен Голембиовский. При этом произошло перераспределение обязанностей. Игорь стал куратором международных отделов, Севрук – других отделов, служб.

Когда решался вопрос с Игорем, Лаптев посчитал нужным поговорить со мной. Собственно, говорил он, я слушал. Было высказано его, главного редактора, доверие ко мне и желание видеть меня в качестве ответственного секретаря, члена редколлегии. Но это придется сделать через какое-то время, сказал он, сначала надо пропустить через эту должность Анатолия Друзенко – с нее легче будет перевести его на место еще одного зама главного, который тоже должен уходить на пенсию. Так Иван Дмитриевич комплектовал свою команду, боясь, что в освобождавшиеся кресла ЦК будет пересаживать людей, которые, как в случае с Севруком, являются яркими антиперестройщиками.

С Друзенко мы были знакомы уже двадцать лет, с первых футбольных матчей между «Известиями» и сборной командой журналистов Ленинграда. За это время три пуда соли, может, и не съели, но чаю, кофе, пива и чего-то покрепче было выпито в общих компаниях, а иногда и вдвоем, немало. Так что мы знали друг друга хорошо, сработались в секретариате сразу и легко. Друзенко был уникальным и универсальным журналистом. Когда-то Анатолий Аграновский

сказал, что хорошо пишет тот, кто хорошо думает. Друзенко думал глубоко и оригинально, так и писал. Автор всегда интересных проблемных очерков и аналитических статей, он был и классным репортером в освещении крупных событий, а когда требовалось, в последние мгновения перед подписанием номера мог моментально выдать короткую, в несколько строк, неизменно точную и сочную подпись к фотоснимку. Он умел и любил делать в газете все, что ей нужно. В секретариате нужно было уметь организовывать работу, и это у него тоже здорово получалось.

Севрук не пришелся и не мог прийтись ко двору. В практической журналистике он был никто – из своих 56 лет только три года проработал редактором молодежной газеты «Магаданский комсомолец», да и то еще тридцать лет назад: с 1957-го по 1960 год. Все остальное время – пропагандист и агитатор. Сначала в комсомоле, потом по партийной линии. Лектор, инструктор ЦК, завсектором отдела пропаганды, зам заведующего отделом. Раньше в «Известиях» он был только однажды, еще при Алексееве. Выступил с речью на общем собрании, из которой всем запомнилось его предложение: первой премией за лучшую корреспондентскую работу может быть полное собрание сочинений Карла Маркса. Даже Алексеев при этих словах смущенно потупил взор. В обязанности Севрука на Старой площади входило еще и быть фильтром для журналистов, которых редакции направляли своими собкорами за границу. От него немало зависе-

ло, даст ЦК согласие или нет. Являться на собеседования надо было обязательно с женами, без них в такие командировки не выпускали. Встречи с Севруком вызывали неприятное ощущение от его бестактных, каверзных вопросов на предмет идеологической и моральной устойчивости. Он любил инструктировать, как надо вести себя за рубежом независимо от того, куда человек готовится: в логово империализма – в Америку, Западную Европу или к «друзьям» – в соцстрану. Мне сказал, чтобы я не вздумал взять из Болгарии выше двух пар джинсов... На проводившийся при мне в Софии международный конгресс журналистской организации он прилетел в составе советской делегации, в которой был и Лаптев. Как-то Севрук напросился к нам с Иваном Дмитриевичем в автомобильную прогулку на красивую гору Витоша. Когда садились в мою «Волгу», Лаптев шепнул:

– Будь осторожен, в его присутствии не откровенничай!..

Придя в «Известия», Севрук целыми днями просиживал в кабинете, звонил по телефонам, в том числе двум кремлевским, читал полосы, но в содержание, как и во все остальное, фактически не вмешивался, понимая, наверное, что будет смешон.

Начало 1989 года отмечено в «Известиях» революционным новшеством в истории советской прессы: мы первыми из всех газет приступаем к публикации рекламы. Это отдельная история с участием М. С. Горбачева, ее я коснусь позже, рассказывая о времени, когда вопросы рекламы приобретут

особую значимость для «Известий».

В мае-июне 89-го происходит невиданное событие, вызвавшее колоссальный интерес в стране – Съезд народных депутатов СССР. Подготовка к нему, помимо всего прочего, продемонстрировала значительно возросший авторитет газеты – народными депутатами избраны сразу четверо известинцев. Это главный редактор и трое собственных корреспондентов: Анатолий Ежелев (Ленинград), Олег Бородин (Якутск), Геннадий Шипитько (г. Фрунзе, нынешний Душанбе).

В отчетах со съезда вся пресса пишет, что он высоко поднял планку гласности. Не обходят этот штамп и «Известия», против чего на ближайшей летучке возражает Станислав Кондрашов. Почти четыре десятилетия обозревая в «Известиях» международную политику, не изменяя ей и позже, в последние годы он со свойственной ему проницательностью больше вглядывается в жизнь родного отечества и судит о происходящем здесь не скоропалительными штампами.

– Образ насчет планки гласности не совсем верен, – говорит Кондрашов. – Планку поднимает великий спортсмен Бубка, и он должен каждый раз подтверждать или повышать свой рекорд. Это дело одноразовое. А речь сейчас должна идти о том, что после съезда мы поднялись на какое-то новое плато гласности, новое высокогорье, для нас непривычное. Желательно было бы с него не спускаться и научиться дышать этим новым, несколько разреженным и еще непривычным

воздухом. Сейчас самая главная наша задача видится в сохранении, в освоении и расширении достигнутого депутатами съезда очень высокого, для нас небывалого уровня гласности.

В начале июля созывается совещание собственных корреспондентов, работающих внутри СССР. Выступая на нем, Лаптев указывает на то, что съезд народных депутатов создал новую информационную обстановку в стране, возникло новое состояние общественного сознания. Отсюда – необходимость нашего глубокого понимания совершенно новых проблем и правдивого их отражения на страницах газеты.

Люди с мест, из гущи жизни, собкоры хорошо знают эти проблемы и говорят о них с полной откровенностью. Экономика везде и повсюду в полномасштабном кризисе. Дефицит абсолютно на все стал хроническим, полки в магазинах пустые, очереди – гигантские. Перестроечная эйфория сменилась разочарованием, антикоммунистическими настроениями. Народ уже не хочет слышать об улучшении, совершенствовании социализма, все больше требований рынка, демократии. А самая большая мина под перестройкой – национальные отношения. Тревожна ситуация по всей Прибалтике, в Азербайджане, Армении и Грузии, на Украине, в Молдавии. Когда об этом заходит речь, слово снова берет главный редактор:

– Насилие, которое допущено ко многим народам много лет назад, возвращается к нам страшным

бумерангом. Оно хранилось где-то там, в глубине, тлело под спудом десятки лет и возвращается к нам сегодня в виде нетерпимости, взаимной агрессивности. И недоверия к центру. Потому что – об этом тоже надо прямо сказать – были обманы, были пустые обещания, были слова, которые лишь прикрывали истинное состояние дел. Вопрос о национальных отношениях, о положении в республиках и о том, как нам быть, – это вопрос первостепенный...

У «Известий» – неоднородный соборовский корпус. Люди разных способностей и разной отдачи. Есть фиксаторы событий, есть и настоящие аналитики, способные не только констатировать, но и прогнозировать. Сопоставьте то, что прозвучало летом 89-го, с тем, что случилось на самом деле.

Николай Матуковский (Минск). Мы должны найти в себе смелость называть вещи своими именами. Страна стоит не на пороге кризиса, как мы успокаиваем себя. Она стоит на пороге социальной и экономической катастрофы. Если мы за год-два не решим самых неотложных проблем, если мы не накормим и не оденем людей, нас ждет или гражданская война, или военная диктатура. Не будем закрывать глаза на страшную опасность.

Леонид Капелюшный (Вильнюс). Литва пока еще Советский Союз. В этой республике происходит то, что нужно назвать словом, которое мы так часто употребляем: «перестройка». Но неизвестно, в какую сторону она ведет. Вполне возможно, что в 91–92-

м году, по моим прогнозам, которые, дай бог, чтобы оказались ошибочными, Литва будет решать свои проблемы вне государственной границы СССР...

О возможной независимости союзных республик мы уже не только говорили, но и писали. Но применительно к газетам слово «независимость» еще не было у нас в большом ходу. Нам еще предстояло взять его как обозначение нашей мечты и нашей цели, а сначала осознать, что это такое и зачем это нам надо.

Между тем в стране разворачивается все более ожесточенная борьба между сторонниками и противниками перестройки. Но колесо этой борьбы катится все-таки в одну сторону – в сторону демократизации. «Известия» прилагают большие усилия к тому, чтобы оно не останавливалось. При этом Лаптев завершает расстановку людей рядом с собой по той схеме, которая ему кажется наиболее полезной для газеты. Друзенко становится его замом по экономической тематике, меня назначают ответственным секретарем, через пару месяцев переводят в замы Боднарука, главного по политике. Все мы, включая, понятно, самого Лаптева и Голембиовского, – единомышленники, единая команда.

Подробнее о Николае Боднаруке. С приходом в «Известия» он сумел так поставить работу отдела права и морали, что тот стал основным поставщиком наиболее громких по общественному резонансу материалов в исполнении известинцев и приглашаемых авторов – публицистов, политоло-

гов, ученых. Бескомпромиссный антисталинист, Коля очень чувствовал время, понимал и разделял запросы читательской аудитории на решительные перемены в стране. Как редактор он был непререкаемым авторитетом для наших звезд, обычно не терпящих вмешательства в их бессмертные тексты – с его мнением и оценками они даже не спорили. Умными, злободневными были и его собственные материалы. Все эти качества Боднарука очень понадобились Лаптеву в одну из мартовских суббот 1988 года, которую он опишет в своей книге «Власть без славы».

За пару недель до этого, 13 марта «Советская Россия» опубликовала печально знаменитое письмо ленинградской коммунистки Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Призывая к реабилитации Сталина и реставрации всего сталинского, оно получило мощную поддержку антиперестроечных сил и их знаменосца – члена Политбюро Егора Лигачева. Другой член Политбюро, архитектор перестройки Александр Яковлев написал большую контрастную и попросил Лаптева посмотреть ее и, если посчитает нужным, отредактировать. Иван Дмитриевич призвал в помощники Боднарука, наказав держать все в строжайшем секрете. Дальнейшее он описывает так:

Закрылись в кабинете, сели читать. Статья нуждалась в довольно серьезной правке, многие позиции требовали большей определенности. Взялись за работу, осложняемую тем, что и привлечь к ней

никого не могли, и без машинистки обойтись было невозможно. Взяли машинку у помощников, печатали сами... Чуть ли не к утру закончили. Прочли еще раз – можно отдавать Яковлеву.

Что уж совсем беспрецедентно в советской, если не во всей мировой прессе, так это то, что подготовленная главным редактором и его сотрудником статья объемом в целую полосу была опубликована вовсе не в своей газете, а в другой – у основного конкурента. Ответ Яковлева питерской большевичке, а заодно Лигачеву и миллионам тех, кто хотел бы вернуть имя Сталина и его порядки, был напечатан 5 апреля в качестве редакционной статьи газеты «Правда». После этой публикации, назвавшей письмо Андреевой «манифестом антиперестроечных сил», сторонники перемен вздохнули с облегчением, и перестройка сделала еще один большой шаг вперед.

Своей растущей популярностью «Известия» во многом были обязаны международным отделам, собственным корреспондентам за рубежом, политическим обозревателям. «Известия» и раньше отличались тем, что международную жизнь освещали шире и профессиональнее, чем «Правда», не говоря уже о других изданиях. В условиях гласности резко возросла информационная насыщенность наших иностранных полос, были сломаны давние стереотипы в отражении событий за рубежом, вскрыты ранее запрещенные многие пласты советской внешней политики. Серьезная аналитика

показывала земной шар таким, каким он был в реальности, – сложным, противоречивым, конфликтным, постоянно тревожным. Из наших публикаций страна узнавала правду о том, как мы страшно отстали от западного мира и как сам этот мир еще очень далек от совершенства.

Одной из наиболее смелых акций «Известий», еще на заре перестройки, стало большое интервью собкора в Мадриде Владимира Верникова с гениальным испанским художником Сальвадором Дали, которого раньше если и упоминала отечественная печать, то только с ярлыками «фашист», «антисоветчик», «сумасшедший». Наши полпреды за рубежом были первооткрывателями бесконечного числа тем, которые потом подхватывались другими изданиями, телевидением. Сергей Агафонов в Японии, Юрий Савенков в Китае, Владимир Скосырев в Индии, Леонид Шинкарев в Африке, Михаил Ильинский в Италии, Евгений Бовкун в Германии, Юрий Коваленко во Франции, Александр Кривопалов в Англии, Марат Зубко в Скандинавии, Александр Шальнев в Америке; в аппарате редакции Мэлор Стуруа, Леонид Камынин, Геннадий Дейниченко, Николай Ермолович, Борис Васильев, Борис Родионов – без этих и многих других международных газет не смогла бы добиваться повсеместного интереса к себе. А возглавляли этот список знаменитые политобозреватели, ярчайшие личности – Александр Бовин, Станислав Кондрашов, Валентин Фалин (в 1986 году переведен в председатели Агентства печати «Новости», с 89-го –

заведующий международным отделом ЦК КПСС).

С каждым месяцем «Известия» читают все больше людей. Одни газету любят, другие ненавидят, третьи боятся. Что касается главного читателя – Горбачева, он то хвалит «Известия», то ругает. Но мы его курс поддерживаем. Взошедшего на вершину общественного интереса Ельцина мы не любим за его нахрапистость, популизм, но он правдив, он боец, и это мы в нем ценим, уважаем. Ежедневно газету цитирует мировая пресса, в редакцию один за другим просятся и приходят аккредитованные в Москве иностранные дипломаты, журналисты, наносят визиты высокие зарубежные гости, главы государств, в их числе железная леди Маргарет Тэтчер.

За то время, что редакцию возглавляет Лаптев, наш тираж вырос чуть ли не вдвое, к концу 1989 года это самый большой тираж в истории «Известий», рекордным он останется теперь уже навсегда: 11 миллионов 30 тысяч экземпляров. Конечно, его можно было поднять и выше за счет каких-то баек, развлечения, но мы этого не делали. Мы находились и хотели всегда быть в другой журналистике – серьезной, информационно-аналитической. В стране и мире нашу газету относили к качественным – мы этим гордились и дорожили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.